

Культура. — 1994. — 15 окт. — С. 11.

Белый Отелло не всем нравится

В предыдущем номере мы рассказывали о знаменитом музыкальном фестивале, который проходит ежегодно в Италии, на сцене открытого театра «Арена ди Верона». В этот раз здесь выступал Пласидо Доминго, он пел Отелло. Корреспондент итальянского еженедельника «Оджи» встретился с известнейшим испанским певцом, который поделился воспоминаниями о первых выступлениях в Италии и о других интересных моментах своей жизни.

за молоком для нашего малыша... Второй сын — Пласидо, ему 28, он композитор, пишет песни, и они пользуются большим успехом. А моему самому старшему сыну, Хосе, 35, он живет в Мехико. Я вложил кое-какие средства в индустрию, производящую музыкальную аппаратуру, и Хосе является содиректором этого производства. Трое сыновей, трое удивительных ребят, и все привязаны друг к другу, несмотря на то, что Хосе — это мало кому известно — мой сын от первого брака. Да, не хочу скрывать, я женился очень рано, мне было всего 16, и должен сказать, что это было большой ошибкой. Уже через год мы с моей первой женой разошлись. Но этот неудачный опыт прибавил мне мудрости, и когда я через некоторое время познакомился с Мартой Орнелас — это было в 1959 году, в Мексике, в консерватории, — то уже прекрасно отдавал себе отчет в том, что такое брачные узы. С Мартой мы поженились в 1962 году. Мне очень повезло. Всей своей карьерой я обязан, конечно, моим родителям, которые были музыкантами, но в первую очередь — Марте. Она — все для меня.

Сразу же после свадьбы мы подписали контракт на работу в Тель-Авиве. Это было начало моей карьеры, время первых успехов и разочарований, время, когда можно было рисковать и ошибаться. Самый тяжелый, но и самый плодотворный период в моей жизни. Зарабатывали мы мало — едва сводили концы с концами, но я в эти шесть месяцев сумел «нарастить мускулы», — во всех смыслах. Так интенсивно, как в те годы, я уже никогда не работал: сегодня пел в «Сельской части», завтра — в «Искателях жемчуга», послезавтра вдруг оказывалось, что заболел ведущий тенор, и я появлялся на сцене в роли Дон Жуана. И вот тогда-то моя жена заметила: с моим голосом творится что-то неладное.

У Марты — необыкновенное художественное чутье, профессиональный «нюх». Все вокруг поздравляли меня с успехами на сцене, и только она говорила: «Пласидо, что-то не так, что-то происходит с твоим голосом, он звучит неестественно. Я тебя не чувствую!». Надо было предпринимать срочные меры, и мы с ней начали заново проходить азы вокала, отдавая этому все свободное время. Так прошло три года, и только после этого я почувствовал, что могу выйти на любую сцену, и мы уехали из Тель-Авива.

...Часто говорят, что я соперничаю с Лучано Паваротти и Хосе Каррерасом. Ничего подобного! Все это выдумали журналисты. Наше совместное выступление в Риме, в 1990 году, и вот совсем недавно в Лос-Анджелесе доказывает, что мы друзья.

Вообще обо мне много чего говорят. Например, что за мной женщины толпами бегают. Помню, пел я однажды партию Отелло. Желающих послушать оперу было так много, что администрация решила транслировать спектакль на огромный экран, установленный на одной из площадей. После окончания представления у выхода из театра собралось несколько десятков дам, они ожидали Отелло. А когда я вышел, по толпе пробежал разочарованный шепот: «Ну вот, да он белый!». Я был очень огорчен.

По материалам итальянской печати подготовила
Марина АРКАДЬЕВА.

● Пласидо Доминго в партии Отелло.

— Помню мое первое выступление в этом театре... Прежде чем выйти на сцену, я посмотрел в зал из-за закрытого занавеса. То, что увидел, ошеломило. Весь зал — все зрители, как один, — держали в руках зажженные свечи. Живые огоньки мерцали, гасли и вспыхивали с новой силой. Традиция зажигать свечи перед началом спектакля родилась именно здесь, в театре «Арена ди Верона», и веронцы свято хранят ее. А тогда она соблюдалась особенно строго... Казалось, что передо мной вдруг открылся океан света, я боялся утонуть в нем. Невиданное зрелище так взволновало, что вдруг хотелось убежать как можно дальше. Но я взял себя в руки: «Нет, Пласидо, — сказал я себе. — Ты так хотел появиться на этой сцене!». Мое выступление окончилось настоящим триумфом.

Это было двадцать пять лет назад, я делал первые шаги в моей карьере. К тому времени, довольно долго поработав в Тель-Авиве, я уже успел выступить на сцене нью-йоркского «Метрополитен-опера», в Венской опере, в Гамбурге и Берлине — и успешно. Но в Италии еще не был. А ведь для оперного певца работать в этой стране — верх мечтаний.

В тот вечер у меня было целых четыре дебюта: я впервые пел в Италии, впервые пел на открытой сцене — самой большой и самой прекрасной в мире, впервые выступал в роли Калафа и впервые пел вместе с великой Биргитт Нильссен, исполнившей партию Турандот. Мне казалось, что я не выдержу от сознания всего этого! Но вот я вышел на сцену, начал петь — голос был в порядке, все шло нормально, — и все страхи, сомнения исчезли, как по магии волшебной палочки. На мой взгляд, сцена обладает какой-то магией. И до сих пор я перед началом каждого спектакля нервничаю, меня одолевают нехорошие предчувствия... Но вот открывается занавес, я слышу первые ноты собственного голоса — и все страхи исчезают.

И еще одно воспоминание делает незабываемым мой дебют на сцене «Арена ди Верона». В тот вечер американские космонавты впервые высадились на Луну. Стоя на сцене в последнем акте, действие которого происходит лунной ночью, я смотрел на взходящее над амфитеатром светило и думал о том, что сейчас там, по ее поверхности, ступают земные люди. Не знаю, были ли заметны в арии Калафа мой восторг и гордость еще и этим фантастическим человеческим подвигом!

Вскоре здесь же, в Италии, я пел в «Дон Карлосе», а потом меня пригласили выступить на сцене «Ла Скала» в опере «Эрнани». «Ла Скала» для меня, как и для любого оперного артиста, была вершиной мечтаний — мне казалось, что там все должно быть совершенным. Однако я и не представлял, что встречу здесь с таким изумительным хором и таким необыкновенным оркестром. В других театрах солист, работая с хором, отмечает, что там есть хорошие баритоны, хорошие сопрано. И в итальянских хорах есть прекрасные тенора, изу-

мительные меццо-сопрано, — но самое главное, это настоящие «грудные» голоса, таких нигде, кроме Италии, мне не довелось встретить.

На первой репетиции в «Ла Скала» я просто испугался — а вдруг я не сумею быть на высоте этих замечательных хористов? «Как я буду выглядеть, когда мне придется петь вместе с этими тенорами?» — спрашивал я себя. Но и в тот раз, едва я вышел на сцену, от моей неуверенности не осталось и следа.

...У меня иногда спрашивают, были ли у меня провалы? Да нет, шумных скандалов я не помню. Хотя в те годы, когда пел в Тель-Авиве, время от времени давал хорошего петуха. 2.500 раз исполнял оперные партии и только два раза вынужден был прервать выступление и уйти со сцены — это в «Метрополитен-опера» и

в Гамбурге. Оба раза — по болезни, я был сильно простужен.

Партию Отелло, которая прозвучала здесь, в Вероне, я исполнил уже 200 раз. Поэтому, может быть, часто говорят, что Пласидо Доминго — яростный ревнивец. Но я совсем не ревнив — ни в личном, ни в профессиональном плане. Доверяю тем, кого люблю. И с глубоким уважением отношусь к тому, что делают мои коллеги. По характеру я человек очень простой, на улице стараюсь не обращать на себя внимания, комплименты приводят меня в смущение, а зависть и сплетни мне глубоко чужды. Образ жизни веду простой, хотя, конечно, достаточно зажиточный. Что касается работы, то в год на оперной сцене выступаю 65 раз да еще даю двенадцать концертов. Сам так решил — это позволяет

мне удовлетворять мои потребности, не снижая «качества» моей работы. Трижды в год устраиваю себе отпуск — но по восемь—десять дней каждый раз, потому что долго сидеть без дела не могу... Во время отдыха люблю бывать на пляже или проводить время дома — играю в бильярд, вместе с моими домашними смотрю фильмы — к сожалению, не вижу близких так часто, как хотелось бы. Моя жена почти всегда со мной, мы вместе развозим по всему свету, а вот с моими сыновьями я, к сожалению, вижусь гораздо реже.

Да, у меня трое сыновей, и все они взрослые. Альваро — 26 лет, он кинопродюсер. Когда я дебютировал на сцене «Арена ди Верона», он был совсем крохотным, только-только родился. Помню, едва мы приехали в этот прекрасный город, я бросился в магазин